
Исправленіе церковно-богослужбныхъ книгъ при па- тріархѣ Никонѣ.

Взглядъ русскихъ на печатныя греческія книги, какъ на испорченныя еретиками. Исправленіе книгъ при Никонѣ происходило по греческимъ венеціанскимъ печатнымъ изданіямъ, которыя однако провѣрялись и передѣлывались съ помощію старыхъ рукописныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ. Арсеній грекъ, какъ книжный справщикъ при Никонѣ Личное участіе Никона въ книжныхъ исправленіяхъ. Никонъ лично признавалъ исправленіе книгъ только по древнимъ славянскимъ и древнимъ греческимъ и вѣрилъ, что такъ именно при немъ книги и исправлялись Въ исправленіи самаго текста книгъ Никонъ не принималъ участія по незнанію греческаго языка. Признаніе Никономъ старыхъ и новыхъ службниковъ одинаково добрыми и что можно служить по тѣмъ и другимъ Полное охлажденіе Никона, послѣ оставленія имъ патриаршей каведры, къ своей предшествующей церковно реформаторской греческой дѣятельности.

На ряду съ церковно-обрядовою реформой Никонъ производилъ и другую реформу—пересмотръ и исправленіе нашихъ церковно-богослужбныхъ книгъ съ греческихъ. Мы знаемъ, что благодаря государю и Стефану Вонифатьевичу у насъ уже стали, подъ конецъ патриаршества Іосифа, исправлять нѣкоторыя книги и съ греческихъ, какъ исправлялся, напимѣрь, въ 1650 году Шестодневъ. Но тогда это новое у насъ дѣло—исправленіе богослужбныхъ книгъ съ греческихъ, только еще начиналось, налаживалось, а теперь, при Никонѣ, оно должно было вестись широко и энергично, даже съ прямой замѣной во многомъ старыхъ богослужбныхъ книгъ новыми переводами съ греческихъ подлинниковъ. Но на этомъ пути, какъ и при исправленіи обряда, Никону пришлось встрѣтиться со многими затрудненіями и препятствіями. Прежде всего Никону пришлось бороться съ

сильно распространеннымъ у русскихъ предубѣжденіемъ и недоувѣріемъ ко всѣмъ греческимъ книгамъ вообще. У русскихъ сложилось сказаніе, что будто бы всѣ греческія книги, при завоеваніи Константинополя, были отобраны у грековъ латинянами и сожжены ими. Послѣ этого греческія книги напечатаны были вновь въ латинскихъ странахъ, продолжаютъ тамъ печататься и доселѣ, причемъ латиняне переправляютъ ихъ на свой ладъ, и уже въ передѣланномъ видѣ продаютъ ихъ грекамъ, такъ какъ у грековъ въ Константинополѣ, и вообще въ турецкой имперіи, не было и нѣтъ своей собственной типографіи, въ которой бы они могли печатать свои книги въ неиспорченномъ видѣ 1). Сами греки подтверждали справедливость подозрѣній русскихъ къ греческимъ книгамъ, напечатаннымъ въ иновѣрныхъ земляхъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна челобитная палеопатрасскаго митрополита Теофана, поданная имъ въ Москвѣ государю въ 1645 году, послѣ того какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которые, собственно, и послали его въ Москву. Въ своей челобитной Теофанъ пишетъ: „буди вѣдомо, державный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что имѣютъ напещи и лютери греческую печать, и печатаютъ повседневно богословныя книги святыхъ отецъ, и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зелье—поганую свою ересь. И клепятъ святыхъ и богословныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и тое есть нестаточно, потому что нынѣ есть древнія книги и библіи харатейные рукописьмены и благословеніе святыхъ отецъ въ монастырехъ во святой горѣ Аѳонской и въ иныхъ древнихъ монастырехъ, и по тѣмъ библіямъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они, которые книги печатали и составили по своему обычаю и вымыслу, тѣми

1) Русскіе однако не знали того очень важнаго обстоятельства, что въ латинской Венеціи въ то время жило очень много православныхъ грековъ, которые имѣли свои церкви, свой православный клиръ и свои православныя типографіи, въ которыхъ они, т. е. православные венеціанскіе греки, и печатали свои церковныя книги. Значитъ, хотя греческія книги и печатались въ латинской Венеціи, но печатались православными греками и въ ихъ собственныхъ типографіяхъ. Конечно были и исключенія, почему въ то время и въ самой Греціи къ венеціанскимъ греческимъ изданіямъ относились съ осторожностію

же книгами они борются въ странахъ, а гдѣ древнихъ библѣй нѣтъ, и опаяются орудіемъ нашимъ, и являются они мужественны, и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не позволяютъ намъ печатать книги въ Царь-градѣ, понеже и нѣмцы, которые пребываютъ въ Царь-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей, и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевидѣць есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе, и *вспомянулъ смуты, что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныя книги, и надѣются, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ...* Да повелиши, пишетъ далѣе Теофанъ царю, быть греческой печати (въ Москвѣ) и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философіи и богословія греческаго языка и по русскому, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобѣ на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятца отъ лукавства еретиковъ, да исполнятца во всемъ мірѣ православныя христіанскіе книги, и не будетъ нужды (пользоваться) тѣми составленными римскими и лютерскими книгами; *здесь исполнятца древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво,* и тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всѣмъ народѣ христіанскомъ, и прославитца великое имя царствія вашего по всей вселенной, но и паки—Птоломея царя“ 1).

Въ виду подобныхъ заявленій самихъ грековъ о порчѣ ихъ печатныхъ книгъ со стороны латинянъ и лютеранъ, о томъ, что настоящія неиспорченныя греческія книги могутъ теперь печататься только въ православной Москвѣ, гдѣ должна быть открыта греческая типографія, и для обученія русскихъ устроено греческое училище,—вполнѣ естественно было, что многіе русскіе не считали возможнымъ пользо-

1) Челобитная палеопатрасскаго митрополита Теофана 1645 года была нами напечатана въ полномъ видѣ въ журналѣ общ-люб. духовн. просв. 1881 г., Іюль, въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь.

ваться греческими печатными книгами, а тѣмъ болѣе исправлять по нимъ русскія книги. Это бы значило, думали русскіе, не исправлять наши церковныя книги, а завѣдомо портить ихъ, значило бы вводить въ нихъ тѣ ереси, какія латиняне внесли въ напечатанныя у нихъ греческія книги. Если же русскіе и принимали греческія печатныя книги, то только тѣ, съ которыхъ существовали старыя славянскіе переводы, и признавали ихъ опять-таки настолько, насколько онѣ согласны были съ этими переводами, все же несогласное въ нихъ со старыми переводами отрицалось, какъ позднѣйшая латинская передѣлка. Вполнѣ точно и опредѣленно этотъ взглядъ русскихъ на греческія печатныя книги былъ выраженъ игуменомъ Ильею и Онисимовымъ во время ихъ собесѣдованія съ Лаврентіемъ Зизаніемъ. На замѣчаніе Зизанія: „да у васъ греческихъ правилъ нѣтъ“, Илья и Онисимовъ говорили: „всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ добрыхъ, правила у насъ есть, а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не приедемъ, потому что греки живутъ нынѣ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своимъ воляхъ печати имъ книгъ своихъ не имѣтъ, и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ. И намъ такихъ новыхъ переводовъ греческихъ не надобно, хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы тотъ новый вводъ не приедемъ“. На замѣчаніе Зизанія: „да откуда у васъ взялись греческія правила?“ собесѣдники отвѣтили ему: „Кипріанъ митрополитъ кievскій и всея Русіи, егда приде изъ Константина града въ русскую митрополію, и тогда съ собою привезъ правильныя книги христіанскаго закона греческаго языка и перевелъ ихъ на славянскій языкъ, Божією милостію пребываютъ и донынѣ безъ всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ, да и многія книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, а нынѣ къ намъ которыя книги выходятъ печатныя греческаго языка и будетъ сойдутся съ старыми переводами, и мы ихъ приедемъ и любимъ; а будетъ въ нихъ приложено ново, и мы тѣхъ не приедемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ тѣснотахъ въ невѣрныхъ странахъ, и печатати имъ по своему обычаю невозможно“ ¹⁾. Та-

¹⁾ Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу испра-

кимъ образомъ русскіе, годность или негодность своихъ церковныхъ книгъ, опредѣляли вовсе не ихъ сходствомъ съ греческими печатными книгами, а какъ разъ наоборотъ: годность или негодность греческихъ печатныхъ книгъ опредѣляли сходствомъ или несходствомъ ихъ съ русскими книгами, не русское провѣрялось греческимъ, а греческое русскимъ.

Понятно изъ сказаннаго, съ какимъ предубѣжденіемъ должно было встрѣтить большинство русскихъ стремленіе Никона исправлять наши церковно-богослужебныя книги съ греческихъ, особенно печатныхъ, съ какими трудностями и препятствіями ему пришлось бороться. Правда лучшіе люди, еще во времена патріаршества Іосифа, уже признавали необходимость исправлять наши книги по греческимъ и даже, какъ мы видѣли, дѣлали нѣкоторыя попытки въ этомъ родѣ. Но, во-первыхъ, такія лица представляли изъ себя даже въ самой Москвѣ только очень маленькую группу, совершенно незамѣтную въ массѣ; во-вторыхъ, совершенныя ими исправленія съ греческихъ книгъ сдѣланы были, какъ говорится, безъ всякаго шума, незамѣтно для большой публики, по предметамъ не бросавшимся въ глаза, почему на эти исправленія никто и не обратилъ вниманія. Иначе дѣйствоваль Никонъ. Онъ думалъ исправить всѣ русскія церковно-богослужебныя книги, причемъ придавъ этому дѣлу публичный, торжественный характеръ, смѣло и рѣшительно заявивъ на соборѣ вслухъ всѣхъ, что всѣ московскія церковныя книги сильно испорчены разными включенными въ нихъ новшествами, почему ихъ необходимо тщательно исправить на основаніи древнихъ харатейныхъ славянскихъ переводовъ и греческихъ. Никонъ, впрочемъ, хорошо понималъ тѣ затрудненія, какія ему придется встрѣтить при исправленіи русскихъ книгъ съ греческихъ, и потому онъ приступилъ къ дѣлу исправленія книгъ очень осторожно. Прежде всего Никонъ постарался собрать какъ старыя славянскіе переводы, такъ и старыя рукописныя греческія книги, каковыя не могли подвергнуться порчѣ со стороны иновѣрцевъ, и потому не должны были внушать

русскимъ никакихъ опасеній и подозрѣній. Исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, производимое Никономъ, должно было, такимъ образомъ, совершиться не по новымъ греческимъ книгамъ, которыя печатаются у латинянь, почему онѣ и очень подозрительны, а по древнимъ греческимъ и славянскимъ рукописямъ, которыя никогда и не бывали въ рукахъ иновѣрцевъ. Произведенное такимъ способомъ исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ, никому не должно было, очевидно, внушать опасеній, подозрительность русскихъ должна была успокоиться. Но, къ сожалѣнію, этотъ, такъ прекрасно задуманный способъ исправленія книгъ, на практикѣ оказался совсѣмъ непримѣнимымъ, почему никоновскимъ книжнымъ справщикамъ пришлось его окончательно оставить и на дѣлѣ замѣнить другимъ.

Дѣло въ томъ, что богослуженіе въ христіанской церкви, церковные чины и обряды, появились и сложились не вдругъ, а мало по малу, въ теченіи многихъ вѣковъ, причемъ въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ они всегда были очень неодинаковы, и даже въ одной церкви, въ разное время ея существованія, были различны, а относительно частныхъ и подробностей, такъ продолжалось и послѣ того, какъ общіе типы церковныхъ службъ, чиновъ и обрядовъ, въ основныхъ своихъ чертахъ, уже окончательно опредѣлились и получили на практикѣ полную устойчивость ¹⁾. Отно-

¹⁾ Что и въ русской церкви древніе богослужебные списки были неодинаковы, несходны между собою и съ послѣдующими, это доказываетъ слѣдующимъ: изъ домонгольскаго періода до насъ дошло два служебника, усвояемые—одинъ Антонію Римлянину († 1147 г.), другой Варлааму Хутыкскому (приблизительно около 1192 г.) Извѣстный историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій по этому поводу замѣчаетъ: „прежде всего служебники, не смотря на то, что они одной и той же мѣстности и по времени писанія отдѣляются одинъ отъ другого не слишкомъ большимъ промежуткомъ времени, если только не совсѣмъ современны, далеко несогласны сами между собою. Въ служебникѣ Варлаамовомъ нѣтъ въ некоторыхъ молитвъ и возгласеній, читаемыхъ въ Антоніевомъ, и относительно нѣкоторыхъ дѣйствій даются предписанія, отличныя отъ послѣдняго. Вообще изъ взаимнаго сличенія служебниковъ ясно, что въ періодъ домонгольскій у насъ существовали литургии въ нѣсколькихъ редакціяхъ и что онѣ представляли большее или меньшее разнообразіе“ (Ист. рус. церкви, томъ первый, втор. полов. стр. 307, 363). Относительно разнообразія въ богослужебныхъ книгахъ, существовавшего у насъ послѣ монгольскаго періода, см. сочиненіе И. Д. Мансветова: Митрополитъ Кириакъ въ его литургической дѣятельности. Москва 1882 г.

сительное единообразіе, даже въ частностяхъ и подробностяхъ церковныхъ службъ и обрядовъ, заявило себя только уже со времени книгопечатанія, когда цѣлые выпуски церковныхъ книгъ стали печататься съ одного опредѣленнаго списка. Въ виду этого древніе рукописные списки церковно-богослужебныхъ книгъ очень разнообразны, во многомъ несходны между собою, каждый изъ нихъ говоритъ только за то, какъ совершалось богослуженіе въ то время, къ которому относится списокъ, и въ той именно церкви, которой онъ принадлежитъ. Но если взять богослуженіе другой помѣстной церкви за тоже время, то оно окажется во многомъ несходнымъ съ первымъ, даже богослужебные списки одной и той же церкви, но взятые за разное время, будутъ очень различны и несходны между собою, и чѣмъ древнѣе списки, тѣмъ больше между ними будетъ и различія. Повятно отсюда, что исправлять современныя богослужебныя книги по древнимъ спискамъ дѣло по самому существу своему крайне трудное, требующее продолжительныхъ специальныхъ предварительныхъ изысканій и работъ со стороны не одного, а многихъ лицъ, нарочно къ тому научно подготовленныхъ, такъ какъ каждый древній списокъ всегда будетъ представлять изъ себя нѣчто отличное отъ другого подобнаго древняго же списка, а тѣмъ болѣе отъ позднѣйшаго. Изъ разсмотрѣнія разныхъ древнихъ богослужебныхъ списковъ можно придти только къ тому заключенію, что богослуженіе въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ было всегда очень различно, никогда не было во всемъ одинаковымъ даже въ одной и той же церкви, за различное время ея существованія, что православная церковь всегда допускала и допускаетъ въ своихъ нѣдрахъ разнообразіе въ церковныхъ службахъ, чинахъ и обрядахъ, не считаетъ полное, детальное единообразіе въ нихъ обязательнымъ, необходимымъ условіемъ ихъ единенія, если только онѣ, при разности церковнаго чина и обряда, исповѣдуютъ одно и тоже ученіе. Естественно поэтому, что Никонъ, думавшій исправлять русскія богослужебныя книги по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ, встрѣтилъ, или вѣрнѣе, назначенные имъ книжные справщики встрѣтили на этомъ пути неодолимыя препятствія, заключающіяся въ безконечномъ разнообразіи древнихъ списковъ, въ ихъ несходствѣ между собою и съ

современною практикою, въ невозможности привести ихъ къ единству и единообразію, безъ участія въ этомъ дѣлѣ личнаго усмотрѣнія, а, въ извѣстныхъ случаяхъ, и прямо творчества со стороны книжныхъ справщиковъ и ихъ руководителя, какъ это и было въ дѣлѣ книжныхъ исправленій, совершенныхъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Чтобы выйти изъ затрудненія, справщикамъ приходилось остановиться или на какомъ либо одномъ древнемъ спискѣ, или на нѣсколькихъ, относительно однородныхъ. Но и тутъ затрудненіе все-таки не уничтожалось. Если держаться одного или нѣсколькихъ однородныхъ древнихъ богослужебныхъ списковъ, и на основаніи ихъ исправить русскія книги, то въ концѣ оказалось бы, что исправленныя такимъ образомъ книги будутъ, необходимо, значительно и во многомъ отличны какъ отъ современныхъ русскихъ, такъ и современныхъ греческихъ книгъ, и тогда церковно-богослужебная практика русской церкви значительно бы разошлась и съ русскою непосредственно ей предшествовавшею церковною практикою и съ тогдашнею греческою, вслѣдствіе чего цѣль никоновскихъ церковныхъ исправленій—приведеніе къ полному единству русской церковно-богослужебной практики съ современною греческою, рѣшительно бы не достигалась. Тогда Никону и его книжнымъ справщикамъ оставался послѣдній путь, чтобы выйти изъ затрудненія: признать греческую современную церковно-богослужебную практику и греческія печатныя книги за норму и образецъ для исправленія русскихъ книгъ. Такъ какъ практика греческой церкви XVII вѣка выработалась на основаніи болѣе древней, то она, конечно, и находила себѣ оправданіе въ извѣстной серіи древнихъ списковъ, что и служило для никоновскихъ справщиковъ достаточнымъ увѣреніемъ въ томъ, что они, исправляя русскія книги по печатнымъ греческимъ, дѣйствительно возстановляютъ на Руси древній церковно-богослужебный чинъ, такъ какъ онъ, въ этомъ случаѣ, опирается на свидѣтельство древнихъ списковъ, вполне подтверждающихъ правильность и неспорченность греческихъ печатныхъ богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ Никонъ, взявшись за исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ, естественно и необходимо долженъ былъ придти къ рѣшенію: или отказаться отъ выполненія этой задачи, или же

исправлять русскія книги съ тогдашнихъ греческихъ печатныхъ книгъ. Никонъ, или вѣрнѣе, его справщики рѣшили послѣднее. Но очевидно, что совершенное такимъ способомъ исправленіе русскихъ книгъ, должно было встрѣтить въ значительной части русскаго общества рядъ недоумѣній, сомнѣній и даже прямо противодѣйствіе, въ виду того предубѣжденія, какое существовало у русскихъ относительно греческихъ печатныхъ книгъ, и подъ вліяніемъ котораго даже самъ Никонъ считалъ возможнымъ исправлять наши книги только по древнимъ славянскимъ рукописямъ и по греческимъ.

Что при Никонѣ наши богослужебныя книги исправлялись съ печатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій, это хорошо было извѣстно первымъ противникамъ реформы Никона. Дьяконъ Ѳеодоръ пишетъ въ челобитной государю: „а нынѣшныя книги, что посылалъ покупать Никонъ патріархъ въ Грецію, съ коихъ нынѣ здѣ переводятъ, словутъ греческія, а тамъ печатають тѣ книги подъ властію богоотступнаго папы римскаго въ трехъ градѣхъ: въ Римѣ, въ Парижѣ и въ Венеціи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію. Того ради и здѣ нынѣшныя (переведенныя) съ старыми несогласны, государь, и велія смута“. Въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: „тѣ прокаженныя книги латиногреческія печатныя Никонъ посылалъ покупать тамо (на востокѣ), и купилъ ихъ на многія тысячи сребра. Самъ нынѣ сказа всѣмъ во время отреченія престола и патріаршества своего, и числомъ сказа, но азъ забыхъ то. *И съ тѣхъ новогреческихъ печатныхъ книгъ печаталъ онъ на Москвѣ новыя нынѣшнія книги: потому онъ и несогласны со старыми нашими.* Арсеній грекъ, врагъ Божій, научилъ его, Никона, покупать тѣ книги еретическія, онъ переводилъ ихъ на нашъ языкъ словенскій, и тѣмъ они развратъ велиій сотворили во всей земли русской по всѣмъ церквамъ“ ¹⁾. Никита говоритъ, что въ новоисправленныхъ никоновскихъ книгахъ „всѣ таинственныя въ миропомазаніи приглашенія нарушены злымъ еретическимъ вымысломъ, послѣдую отпадшія вѣры римскому не православному крещенію. *А печатано съ книгъ, иже греческія словутъ, а печатають ихъ растльнно въ трехъ ла-*

¹⁾ Матер для ист раск т. VI, стр. 41—42, 158

тинскихъ градѣхъ: въ Римѣ, и въ Парижѣ и въ Венеціи“¹⁾. И православные люди, раздѣлявшіе предубѣжденіе противъ греческихъ печатныхъ книгъ, сильно соблазнялись тѣмъ, что книги при Никонѣ, исправлялись съ греческихъ венеціанскихъ изданій. Вятскій епископъ Александръ, въ вопросахъ, предложенныхъ имъ собору 1666 года, говоритъ: „новый требникъ ни съ кievскимъ, ни съ прежними нашими московскими согласія не имать. Откуда убо явится истина, зане мы въ Венеціи печатныхъ книгъ греческихъ огребатися должны есмы, и въ неволи живущимъ грекамъ у латинниковъ и у эллинъ, обычаевъ и чиновъ примати нѣсмы должны“. Русскимъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, болѣе держаться своихъ старыхъ славянскихъ книгъ, „и тѣмъ святымъ книгамъ послѣдовати, а не въ Венеціи печатнымъ отъ еретикъ“²⁾. Но самое обстоятельное извѣстіе о томъ, что книги при Никонѣ и послѣ его правились у насъ дѣйствительно съ греческихъ венеціанскихъ изданій принадлежитъ извѣстному Сильвестру Медвѣдеву, который нѣкоторое время самъ былъ книжнымъ справщикомъ, и потому имѣлъ о книжной справѣ вѣрныя обстоятельныя свѣдѣнія, которыя онъ и сообщаетъ въ первой части своего сочиненія: „Извѣстіе истинное православнымъ и показаніе свѣтлое о новоправленіи книжномъ и о прочемъ“³⁾.

Отвѣчая на вопросъ, откуда произошелъ расколъ въ русской церкви, Медвѣдевъ рѣшительно говоритъ: „ни откуда инуду такое въ Московскомъ царствіи въ вѣрѣ православній сотворися разнствіе, точію отъ новыхъ греческихъ печатныхъ книгъ, которыя во градѣхъ латинскія вѣры и лютерскія и кальвинскія ереси печатаются, и съ греческими древними рукописменными книгами не согласуются“. Въ объясненіе того, какимъ образомъ могло случиться, что наши книги стали исправлять съ венеціанскихъ греческихъ изданій, Медвѣдевъ рассказываетъ слѣдующее: Никонъ, рѣшивъ исправить русскія книги, созвалъ соборъ въ 1654 году, который онъ и просилъ, указавъ предварительно на не-

¹⁾ IV, стр. 15—16.

²⁾ Рукопись моск. синод. библ. по описанію Горскаго и Новоструева, т. II. 4., № 294, вопр. 20, л. 114.

³⁾ Это сочиненіе Медвѣдева напечатано С. А. Бвлочуровымъ въ чт. общ. ист. и древн. 1885 г. кн. IV.

исправности московскихъ книгъ, составить рѣшеніе: „новымъ-ли московскимъ печатнымъ книгамъ послѣдовать, въ нихъ же многая обрѣтошася нами, отъ преведшихъ и преписующихъ я неискуснѣ, съ древними же греческими и словенскими несходства и несогласія, явнѣ же рещи погрѣшенія,—или древнимъ греческимъ и славянскимъ, иже обои единъ купно чинъ и уставъ показываютъ, въ нихъ же святіи Божіи челоуѣцы и величїи сихъ творцы восточнїи богословцы и учителя—Василїй Великій, Григорїй Богословъ и Іоаннъ Златоустый, Іоаннъ Дамаскинъ, Петръ, Алексїй, Іона и Филиппъ московстїи чудотворцы, и прочїи святїи поучающесе, Богови угодиша, и намъ въ пользу нашу незаторныя оставиша, и неврежденны блюсти повелѣша?“ По поводу этой рѣчи Никона, Медвѣдевъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „внимай, богослюбезный правовѣрный читателю, прилежно, како здѣ святѣйшїй патріархъ Никонъ древнїи греческія рукописменныя и словенскїя харатейныя книги похваляетъ, и съ ними весьма тщится во всемъ согласное имѣти: а еже съ ними въ книгахъ несогласное, и то, яко новое, отринутїи поучаетъ, и чесо ради тако сотворити, и тому причину даеъ свѣтлюю: яко дабы намъ всѣмъ спасеніе уллучити—такжде, яко же наши росїейстїи святїи Петръ, Алексїй, Іона и Филиппъ московскїи чудотворцы“.—На рѣчь Никона, рассказываетъ Медвѣдевъ, соборъ отвѣтилъ рѣшеніемъ: „достойно и праведно исправить словенскїя печатныя книги противу старыхъ харатейныхъ росїйскихъ и греческихъ книгъ“. Въ силу такого соборнаго постановленїя изъ разныхъ русскихъ книгохранилищъ стали собирать въ Москву древнїя славянскїя книги, переведенныя съ греческаго на славянскїй языкъ за 500 лѣтъ и больше, а на востокъ былъ посланъ старецъ Арсенїй Сухановъ, чтобы и оттуда привести въ Москву старыя рукописныя греческія и славянскїя книги“. Внимай, читателю, опять замѣчаетъ по этому поводу Медвѣдевъ, не о новыхъ греческихъ унѣмецъ печатанныхъ книгахъ промышленїе бѣше, съ которыхъ бы согласную истину древнихъ святыхъ отецъ познати, но о древнихъ рукописменныхъ“,—Когда Сухановымъ дѣйствительно привезены были въ Москву очень древнїя греческія рукописныя книги, тогда въ Москвѣ снова былъ созванъ соборъ, на которомъ присутствовали: антїохїйскїй патріархъ Макаріій

и сербскій Гавріиль. На этомъ соборѣ тщательно сличены были древнія греческія рукописныя книги съ древними же рукописными славянскими, и найдены между собою во всемъ согласными“. „Зри, православный читателю,“ замѣчаетъ Медвѣдевъ, „прилежно, какъ на ономъ соборѣ вси размотриша наши словенскія древнія книги со древними греческими рукописменными во всемъ согласны быти, а не съ новыми греческими у нѣмецъ печатными книгами“. Въ виду этого соборъ рѣшилъ служебникъ „и прочія святыя книги, въ нижже нѣкими отъ преписующихъ невниманіемъ погрѣшенія обрѣтаются, во всемъ съ древними греческими и славянскими священными книгами, въ нижже не едино прегрѣшеніе обрѣтается, согласити и исправить узакониша“. Но это соборное постановленіе: исправить русскія книги съ древнихъ рукописей греческихъ и славянскихъ, на практикѣ не было приведено въ исполненіе, книги въ дѣйствительности стали править „съ новопечатанныхъ греческихъ у нѣмецъ“, древнія же книги греческія и славянскія были оставлены. Произошло это, по объясненію Медвѣдева, такимъ образомъ: когда соборъ рѣшилъ исправить служебникъ съ древнихъ греческихъ и славянскихъ, тогда „коварніи человѣцы, прежде лестными своими словесы прельстиша святѣйшаго Никона патріарха, начаша самую ему правду о исправленіи книгъ предлагати, а дѣломъ самымъ ино промышляти. И егда оныхъ человѣкъ та хитрость ихъ не познася, оставивше они греческія и славянскія древнія самыя книги, начаша правити съ новопечатныхъ у нѣмецъ греческихъ книгъ. А въ семъ предисловіи книги служебника пишутъ они, еже оу съ древними греческими и словенскими рукописменными достовѣрно исправиша и во всемъ согласиша, и народъ православный увѣщаютъ, во еже бы оный той книгѣ, яко достовѣрной, вѣрили и ни въ чесомъ не усомнѣвались, зане справлена съ греческихъ рукописменныхъ и словенскихъ книгъ. А та книга служебникъ правлена не съ древнихъ греческихъ рукописменныхъ и словенскихъ, но снова у нѣмецъ печатной греческой безсвидѣтельствованной книги, у нея же и начала нѣсть и гдѣ напечатана невѣдомо. И егда по малыхъ лѣтѣхъ, по указу великаго государя, ради достовѣрнаго книжнаго свидѣтельства и справки, былъ на печатномъ дворѣ справщикъ изъ Аѳонскія горы архиманд-

ритель Діонисій, иже обита въ семь царствующемъ градѣ Москвѣ въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ, и той, ону у нѣмецъ печатную книгу служебникъ разсмотря, на страницахъ подписалъ своею рукою на обличеніе тоя неправыя книги словеса бранныя, здѣ писати неприличныя. А та книга и нынѣ обрѣтается въ книгохранительницѣ на печатномъ дворѣ. И которой служебникъ печатанъ и послѣ сего въ лѣто 7166, а въ немъ напечатано о святѣй литургіи, яко напечатано по уставу константинопольскія великія церкви и святыя горы, — и онъ на той книгѣ подписалъ своею рукою: „не хочу лгать на великую церковь и на святую гору Аѳонскую“. Въ другомъ мѣстѣ Медвѣдевъ говоритъ: „всѣ повѣдають книги правлены съ древнихъ греческихъ и словенскихъ харатейныхъ рукописныхъ книгъ, а ни одна книга новоисправленная, яко служебникъ и иныя, съ древними греческими рукописными и съ древними же словенскими харатейными книгами можетъ обрѣстися во всемъ согласна; но всякая имать, яко отъ древнихъ греческихъ рукописныхъ и славянскихъ харатейныхъ, тако и отъ славянскихъ печатныхъ и отъ Кіевскихъ и съ новопечатными у нѣмецъ греческими же книгами, разгласна. А еже далѣе правять, то вящше премѣненія по своимъ прихотямъ творять и тѣмъ православный народъ смущають“. Но кто же были тѣ „коварніи челоувѣцы“, которые, обманувъ Никона, стали править наши книги не по древнимъ греческимъ и славянскимъ, какъ хотѣлъ Никонъ и какъ рѣшили соборы, а по греческимъ новопечатнымъ у нѣмцевъ? На это нѣтъ прямого отвѣта у Медвѣдева. Въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ глухо заявляетъ: „нѣщии духовніи оставяще (славянскія) оныя правыя харатейныя древнія книги, которыя съ древними харатейными книгами сходны, по нихже вси святіи російстии Богу угодиша и благодать Его божеественную себѣ чудотворенія пріяша, оставивше, возлюбили новыя греческія у нѣмецъ печатныя книги и съ тѣхъ, вновь преводяще, и то ненскусными переводчики, начаша, не справя и подлинно не осмостряся, печатати, и того ради едва не всядневно въ книгахъ премѣнностію православный народъ смущати. Отъ ихже такового смущенія, Богъ вѣсть, колико темъ соть душъ православныхъ погибе... Нынѣшніи духовніи, еще замѣчаетъ Медвѣдевъ, сами во извѣстїи свя-

ценнаго писанія и древнихъ святыхъ отецъ неискуствующе, яже вещи отъ російскаго народа по обыкности древней хранятся, обаче тѣи не суть противни Богу, ниже вѣрѣ святѣй, ниже древнимъ греческимъ рукописнымъ и словенскимъ книгамъ, но тѣмъ согласны; они же, являющесе быти мудры и новымъ у нѣмецъ печатнымъ греческимъ книгамъ послѣдствующе, старыя правыя греческія и славянскія харатейныя и на бумагѣ писанныя книги, по которымъ древніи наши святіи отцы спасошася, презирають и многія хулятъ. А иже имъ о семъ правду глаголетъ, и они правды слышати не хошуть. Ибо (а праведно рѣци не есть сіе грѣхъ) во истину самыя правды и сами не знаютъ, точію честію своею величаются и не хошуть невѣденія своего людемъ ради себѣ стыда объявити, но точію повѣлвають всѣмъ себе безъ всякаго разсужденія, оставя правду, ихъ, неправая мудрствующихъ, слушати; и всегда отъ всякія правды, противу которой противитися не могутъ, защищаются Христовымъ словесемъ, яже рече: *слушай васъ, мене слушаетъ, а отменяйся васъ, мене отменяется.* А въ чемъ подобаетъ ихъ людемъ слушати, того они не изъявляютъ, и тѣми словесы Христовыми неискующихъ челоувѣкъ въ разсужденіи неправедно устрашаютъ. По заявленію Медвѣдева тогда были безумныя „нѣдци духовніи“, которые признавали неправыми не только книги московской печати, но „и вси наши древніи книги славянскія харатейныя“, такъ какъ онѣ будто бы неправильно и неискусно ранѣе были переведены, почему де и слѣдуетъ держаться греческихъ книгъ и новыхъ русскихъ переводовъ съ нихъ.

Такимъ образомъ Медвѣдевъ, который самъ былъ справщикомъ въ теченіи десяти лѣтъ (1679—1689), рѣшительно завѣряетъ, что наши церковныя книги при Никонѣ, и въ послѣдующее время, правились будто бы исключительно только съ новопечатныхъ греческихъ венеціанскихъ изданій, причемъ Медвѣдевъ указываетъ и самый греческій подлинникъ, съ котораго при Никонѣ правили служебникъ. Этотъ греческій евологій, венеціанскаго изданія, дѣйствительно и сейчасъ находится въ московской синодальной библіотекѣ.

Но если при Никонѣ дѣйствительно, какъ увѣряетъ Мед-

вѣдѣвъ, служебникъ исправлялся только по одному печатному венеціанскому изданію, причѣмъ будто-бы вовсе не принимались во вниманіе древнія греческія и славянскія рукописи, то какимъ же образомъ могло случиться, что Никоновскій служебникъ, исправленный съ одной только опредѣленной печатной греческой книги, явился однако не одинаковымъ въ разныхъ изданіяхъ, которыя разнятся между собою? Паисій Лигаридъ и Одоевскій, посланные къ Никону въ Воскресенскій монастырь, отъ имени государя говорили ему: „для чего ввелъ въ міръ великій соблазнъ—выдалъ три служебника и во всѣхъ рознь, и въ церквахъ отъ того несогласіе большое?“ Противники книжныхъ исправленій Никона постоянно и настойчиво указывали на то обстоятельство, что при Никонѣ и послѣ его „было шесть выходовъ служебниковъ и что всѣ они разнятся между собою“. Это показываетъ, что при исправленіи служебника никоновскіе справщики производили справку не съ одной только какой нибудь опредѣленной печатной греческой книги, такъ какъ, при такомъ условіи, разные выпуски одного и того же служебника не могли бы разниться между собою, но были бы одинаковы. Книжные справщики служебника изданія 1655 года, въ предисловіи заявляютъ, что они „отъ греческихъ и славянскихъ книгъ истинное избраше (т. е. сдѣлавъ выборку) и сію святую книгу служебникъ“ напечатали. Книжные справщики въ никоновскомъ служебникѣ 1658 года, втораго изданія, на листѣ 693-мъ, дѣлаютъ такое заявленіе: „вѣдомо убо будетъ вамъ всѣмъ, яже отъ Бога рукоположеніемъ архіерейскимъ освященнымъ, яко въ прежнихъ изданныхъ изъ печати служебникахъ, аще и не печатася стихъ: благословенъ грядый во имя Господне, иже глаголется въ литургіи, но внигда (воздвигнувъ честную чашу) рещи діакоу или священнику: со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите,—и сіе убо не забвеніемъ или нерадѣніемъ не печатася, но зане въ греческихъ переводахъ, отъ ниже сія книга преведеса и исправися, не напечатано. Сего ради и мы оставихомъ. Егда же разсмотримъ отъ книги толкованія литургіи, собраннаго Іоанномъ іереемъ Наанаиломъ, новопреведенныя съ греческаго языка на словенскій и напечатанныя въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ лѣто 7164, идѣже тамо во главѣ 115, на листѣ 732-мъ пишеть, наипаче

же отъ книги самаго Златоустаго, идѣже сочиненіе его литургіи бѣше, тамо обрѣтохомъ о семь писано, яко подобаетъ глаголати. Сего ради и мы, въ настоящихъ сихъ служебникахъ положихомъ, *совершенно вѣдуще, яко никакоже подобаетъ оставлять*“. Книга Увѣтъ говоритъ, что „святая книга служебникъ исправися соборнѣ со истиннымъ свидѣтельствомъ съ древнихъ святыхъ отецъ, восточныя церкви и русскихъ нашихъ чудотворцевъ съ харатейныхъ письменныхъ книгъ добрыхъ переводовъ, по нихже сами святіи чудотворцы служили... А съ которыхъ древнихъ книгъ нашихъ русскихъ чудотворцевъ исправися чинъ служебника, и тѣи здѣ во свидѣтельство полагаются: во первыхъ, Антонія Римлянина, препод. Варлаама Хутынскаго, архіепископовъ—Іоанна, Евѣимія, Серапіона новгородскихъ чудотворцевъ служебники, по нихъ же сами служиша. Къ симъ же святаго Кипріана митрополита Московскаго и всея Россіи, писанный на хартии его рукою служебникъ, великаго чудотворца Сергія Радонежскаго обители харатейный служебникъ, Іова перваго московскаго патріарха со златыми письмены, Іосифова монастыря ламскаго служебники, по здѣ, множества ради, оставляемъ“. Кромѣ того Увѣтъ, по тѣмъ или другимъ частнымъ случаямъ, не разъ указываетъ, какія именно греческія и славянскія книги имѣлись въ виду при тѣхъ или другихъ частныхъ исправленіяхъ. Напримѣръ онъ говоритъ: „а тѣ тропари по херувимской пѣсни въ великую субботу напечатаны тако со многихъ греческихъ и славенскихъ харатейныхъ старыхъ книгъ, тріодей и служебниковъ. А въ коихъ писано то здѣ полагается: книги греческія: тріодъ постная и цвѣтная въ полдестъ, писана отселѣ за триста тридцать осмь лѣтъ, въ лѣто 6852, принесена и положена въ соборную церковь Фотіемъ митрополитомъ московскимъ и всея Россіи, въ ней въ великій пятокъ на вечерни тропарь—благообразный Іосифъ, конецъ его писанъ: закрывъ положи. Такожде пишеть въ греческомъ письменномъ въ служебникѣ, по херувимской пѣсни, въ литургіи Златоустовѣ, окончаніе тогоже тропаря: закрывъ положи. И паки въ русскихъ служебникахъ обрѣтается: Евѣимія новгородскаго чудотворца, писаннаго въ его лѣта, отселѣ за 244 лѣта, по Херувимской пѣсни, конецъ того тропаря: закрывъ положи. И паки въ служебникѣ Іосифова монастыря волоцкаго того же тропаря

конецъ: закрывъ положи. И во всѣхъ старыхъ книгахъ греческихъ и славянскихъ стоятъ тропари такожде“. Или, на примѣръ, Увѣтъ замѣчаетъ „и въ древнихъ греческихъ требникахъ письменныхъ и печатныхъ, и въ славянскихъ харатейныхъ и сербскихъ и Кіевскихъ требникахъ, писано согласно, противъ новоисправленныхъ требниковъ, а не отъ себе исправомъ, но послѣдующе древнему обычаю святыхъ церкви и грамматическому разуму святыхъ отецъ“. Въ другомъ мѣстѣ Увѣтъ говоритъ: „клеветницы и возмутители церкви святыхъ глаголятъ хульная на догматы и преданія святыхъ отецъ: еже въ день пятидесятый вечера глаголютъ ектенія великая и молитва Духа святаго оставлена, ягуще на святую церковь. Слышите, окаянии слѣпцы и блазнителие, о семъ свидѣтельства: древнія святыхъ отецъ уставы, и требники и тріоди: книга требникъ харатейный греческій, писана въ лѣта 6856 царя православнаго Іоанна Контакузина, и на его имя подписанъ. И второй требникъ греческій древній писменный, принесенный отъ святыхъ горы Аѳона, такожде и тріоди и уставы греческія, принесенныя отъ святыхъ горы Аѳона, и русскія уставы харатейныя и требники, въ нихже симъ переводомъ ектенія и молитвы во всѣхъ согласно обрѣтаются, якоже въ новопечатныхъ, понеже со оныхъ древнихъ предиреченныхъ святыхъ книгъ исправившася сіи наши новопечатныя старыя книги, по истинѣ добрѣ и достовѣрнѣ, со многимъ свидѣтельствомъ“. Исправляли книги, по увѣренію Увѣта, руководствуясь тѣмъ общимъ правиломъ, что изъ старыхъ разныхъ книгъ выбирали лучшее— „что въ коей старой книзѣ лучшее разумѣніе отъ многихъ судится быти, то полагается въ печатную книгу“¹⁾.

Очевидно, что дѣло книжныхъ исправленій, какъ при Никонѣ, такъ и послѣ него въ ближайшее время, велось такимъ образомъ: печатный венеціанскій греческій служебникъ (или другая церковная книга), и ради удобства и необходимости, и такъ какъ онъ печатался венеціанскими православными греками тоже съ какихъ либо древнихъ провѣренныхъ списковъ, и, главнымъ образомъ, потому, что онъ пользовался довѣріемъ всей православной греческой церкви и ею употреблялся въ обычной церковной практикѣ,

¹⁾ Стр. 102—103, 107, 204—205, 263 об.

принимался нашими справщиками за основной текстъ, и переводъ его составлялъ первую редакцію, которая клалась въ основу исправленія нашихъ печатныхъ книгъ. Затѣмъ эта первая редакція, т. е. переводъ съ греческаго изданія, подвергалась провѣркѣ древними греческими и славянскими списками, причѣмъ она претерпѣвала разныя болѣе или менѣе серьезныя измѣненія и передѣлки, привносимыя въ нея по указаніямъ древнихъ греческихъ и славянскихъ списковъ, и это дѣлалось въ большей или меньшей степени при каждомъ новомъ выходѣ книги, отъ чего и произошло то, что разные выходы служебниковъ, какъ при самомъ Никонѣ, такъ и послѣ него, оказывались между собою не совсѣмъ сходными, всегда одинъ выходъ служебника чѣмъ нибудь отличался отъ другаго, полного единства между ними не было. Значитъ, хотя при Никонѣ наши церковныя книги дѣйствительно исправлялись съ печатныхъ венеціанскихъ изданій, однако послѣднія подвергались у насъ провѣркѣ древними списками греческими и славянскими, на основаніи чего дѣлались отступленія отъ греческаго печатнаго текста, съ которымъ, поэтому, наши новоисправленныя книги не всегда и не во всемъ сходились. Слабая сторона подобнаго способа исправленія книгъ при Никонѣ, и вскорѣ послѣ него, заключалась въ томъ, что не выработано было никакихъ руководящихъ опредѣленныхъ началъ, никакого опредѣленнаго плана и метода для веденія книжныхъ исправленій, которыми бы могли руководствоваться въ своихъ работахъ книжные справщики. Все дѣло справы велось какъ-то случайно, на основаніи случайнаго находящагося въ данную минуту подъ руками справщиковъ матеріала, отчего необходимо являлась неустойчивость и разнь въ книжныхъ исправленіяхъ за разное время. Справщики провѣряли переводы венеціанскихъ изданій нынѣ по однимъ древнимъ спискамъ, завтра по другимъ, нынѣ находили нужнымъ внести въ исправляемую книгу изъ древнихъ списковъ одно, а завтра другое. Правда, они изъ старыхъ книгъ избирали, по ихъ мнѣнію и убѣжденію, только лучшее, и это находимое лучшее вносили въ наши новоисправленныя книги. Но что такое было дѣйствительно лучшее въ разныхъ старыхъ греческихъ и славянскихъ спискахъ, изъ которыхъ каждый служилъ только отображеніемъ даннаго времени и мѣста?

Такъ какъ ничего руководящаго опредѣленнаго въ этомъ отношеніи установлено и дано не было, то одному справщику казалось въ старомъ лучшемъ одно, а другому—другое, почему одни справщики, какъ лучшее, вносили въ новоисправляемыя книги одно, а другіе потомъ замѣняли это другимъ, по ихъ убѣжденію еще болѣе лучшимъ. Личному усмотрѣнію и разумѣнію книжныхъ справщиковъ, хотя и по неизбѣжной необходимости, такъ какъ въ справѣ не было настоящаго авторитетнаго главы и руководителя, давалось слишкомъ много мѣста, а это неизбѣжно вело къ соблазнительной неустойчивости самой книжной справы. При такихъ, порядкахъ, очевидно, чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ большее количество появлялось изданій одной и той же книги, несогласныхъ между собою, и самое количество этихъ несогласій съ теченіемъ времени все болѣе увеличивалось. Это замѣчали всѣ, всѣ этимъ обстоятельствомъ очень смущались и соблазнялись, тѣмъ болѣе, что на него постоянно и неустанно указывали противники книжныхъ никоновскихъ исправленій, какъ на очевидное для всѣхъ доказательство, что русскія церковныя книги въ дѣйствительности не исправляются, а только портятся. Въ интересахъ церкви и самого дѣла, такъ или иначе, нужно было прекратить соблазнъ. Не нашли для этого иного выхода, какъ рѣшительное запрещеніе всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ исправлять книгу служебникъ, которая разъ навсегда должна была печататься впредь только въ одной опредѣленной редакціи, уже недопускающей въ себѣ никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ и измѣненій. Именно, соборъ 1667 года постановилъ: „книга служебникъ, якоже прежде исправися и печатася, и нынѣ при насъ прилежно свидѣтельствовася отъ всего освященнаго собора и печатася въ лѣто 7176-е, тако же и впредь да печатають, и никто же да не дерзнетъ отнынѣ во священнодѣйствіе прибавити что или отъяти, или измѣннити. Аще и ангель (по насъ) будетъ глаголати что ино, да не имате ему вѣры“¹⁾.

Уже одно то обстоятельство, что исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ производилось при Никонѣ по печатнымъ греческимъ венеціанскимъ изданіямъ и при томъ такъ, что

1) Матер. для ист. раск т II, стр 238

различные выходы служебника всё разнились между собою, было достаточно для того, чтобы вызвать въ известной части русскаго общества противодѣйствіе новоисправленнымъ книгамъ. Но это противодѣйствіе должно было еще болѣе усилиться въ виду того, что Никонъ поручилъ книжную справу между другими и очень подозрительному въ глазахъ русскихъ старцу греку Арсенію. Ко всемъ вообще греческимъ выходцамъ, переселявшимся въ Москву, русскіе относились подозрительно, такъ какъ эти выходцы характеромъ жизни и дѣятельности въ Москвѣ нерѣдко производили на русскихъ очень неблагоприятное впечатлѣніе. Все большинству русскихъ казалось въ нихъ подозрительнымъ: ихъ ученость, полученная въ латинскихъ школахъ; самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подъ вліяніемъ латинскаго воспитанія; ихъ частная и общественная жизнь, во многомъ не согласная съ представленіями русскихъ объ истинно благочестивой и строго православной жизни; вся ихъ дѣятельность, опредѣлявшаяся иногда очень нечистыми побужденіями и вождлѣніями ¹⁾. Не даромъ конечно Нероновъ взывалъ къ царю: „и паки молимъ тя, государя, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ истинѣ не развратниковъ, коихъ истинѣ ругателей, и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиси житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имуть, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многоядѣніе и піянство любятъ, вмѣсто же, еже Христа истаяти тѣло, мягкость и бубство любятъ“ и пр. Но если уже всё выходцы греки въ глазахъ многихъ русскихъ были очень подозрительны, то тѣмъ болѣе, конечно, былъ подозрителенъ книжный справщикъ Арсеній грекъ. Онъ былъ воспитанникъ греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, имѣвшей спеціальною цѣлію воспитывать грековъ униатовъ, какимъ, вѣроятно, сдѣлался и Арсеній. Онъ, хотя бы временно и невольно, но всетаки принималъ мусульманство. Какъ униатъ, онъ жилъ нѣкоторое время при дворѣ польскаго короля Владислава. Про него іерусалимскій

¹⁾ О различныхъ греческихъ выходцахъ въ Москву, о ихъ московской жизни, о впечатлѣніи, какое они производили на русскихъ, см. въ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 145—202.

патріархъ Паисій писалъ государю, что Арсеній „прежде былъ инокъ и священникъ и, шедъ, бысть бусурманъ, и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и, бысть у нихъ, учинился уніатомъ, и имѣеть на себѣ великое злое бездѣліе, и распродите его добрѣ и будете обрѣсти вся“. Этотъ доносъ патріарха на Арсенія грека вполне подтвердился собственнымъ сознаниемъ самаго Арсенія, почему онъ и сосланъ былъ въ оковахъ въ Соловецкій монастырь, при чемъ царскимъ указомъ игумену и братіи Соловецкаго монастыря повелѣвается, сосланнаго въ ихъ монастырь на вѣчное житіе за еретичество греченина чернеца Арсенія, держать въ Соловкахъ въ земляной тюрьмѣ, въ крѣпости ¹⁾. Понятно послѣ этого, почему Нероновъ, уже при началѣ книжныхъ никоновскихъ исправленій заявлялъ, что исправленіе русскихъ книгъ никакъ не слѣдуетъ поручать такимъ сомнительнымъ лицамъ, „яковъ оный лукавый чернецъ Арсеній, о немъ же патріархъ іерусалимскій писалъ къ тебѣ, государю, изъ Путимля, что онъ, Арсеней, еретикъ, велѣлъ его остерегать. А нынѣ онъ, Арсеней, взять къ Москвѣ и живетъ у патріарха Никона въ кельѣ, да ево и свидѣтеля, врага, поставляетъ, а древнихъ великихъ мужей и чудотворцевъ свидѣтельство отменяетъ и ложно нарицаетъ“. Этотъ упрекъ Никону, что онъ довѣреннымъ книжнымъ справщикомъ у себя сдѣлалъ во всѣхъ отношеніяхъ подозрительнаго Арсенія грека, былъ справедливъ, не потому конечно, что Арсеній былъ дѣйствительный убѣжденный еретикъ и могъ сознательно вносить какія либо ереси въ русскія церковныя книги, или какимъ нибудь образомъ портить ихъ, но потому, что противъ него лично существовали очень сильныя, на фактахъ основанныя подозрѣнія, Никономъ не уничтоженныя, вслѣдствіе чего Арсеній, дѣйствительно могъ служить соблазномъ для многихъ русскихъ. Въ интересахъ успѣха своего дѣла Никонъ обязанъ былъ принять во вниманіе совѣсть тѣхъ немощныхъ, которыхъ крайне смущало довѣріе патріарха къ уличенному въ неправославія и сосланному за еретичество на вѣчное житіе въ Соловки Арсенію. Но Никонъ, по обычаю, не обращалъ никакого вниманія на существовавшія въ обществѣ подозрѣнія и обвиненія противъ Арсенія, не поста-

¹⁾ Подробнѣсти объ Арсеніи грекѣ см. тамъ же, стр. 208—217

рался ихъ разъяснить и опровергнуть, и потому дѣятельное участіе Арсенія въ книжныхъ Никоновскихъ исправленіяхъ послужило потомъ однимъ изъ главныхъ основаній для противниковъ реформамъ Никона признать новоисправленныя книги еретическими, такъ какъ, говорили они, вѣдомый всѣмъ еретикъ Арсеній грекъ внесъ въ нихъ, подъ видомъ исправленія, свои ереси.

Такимъ образомъ уже одна, такъ сказать, внѣшняя постановка книжныхъ исправленій при Никонѣ, именно, что книги исправлялись по греческимъ печатнымъ венеціанскимъ изданіямъ, что разныя выпуски ихъ разнились между собою, что ихъ исправленіе совершалось при дѣятельномъ участіи такого подозрительнаго и ненадежнаго человѣка, какимъ, въ глазахъ многихъ, былъ Арсеній грекъ, помимо самаго характера исправленія, давала основаніе противникамъ реформы Никона предполагать въ его исправленіяхъ только порчу русскихъ книгъ, думать, что въ нихъ внесены разныя новшества и даже ереси. Но разъ увѣренность въ этомъ возникла, послѣ, предубѣжденному взгляду, уже нетрудно было найти подтвержденіе своихъ подозрѣній въ самыхъ новоисправленныхъ книгахъ. Всякое новое въ нихъ несогласное съ старымъ мѣсто, неточность, темное, мало понятное выраженіе, типографская ошибка, собственное недоразумѣніе и недомысліе, легко можно было объяснять въ смыслѣ ереси; во что бы то ни стало хотѣли найти въ новоисправленныхъ книгахъ ереси, и, конечно, находили ихъ и даже очень много, о чемъ подробно мы скажемъ ниже.

Н. Кантревъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
